Улицы Кайнополя были охвачены праздником. Он был не таким диким, как разнузданные празднества, последовавшие за Восстанием, ибо это было время не только радости, но и траура. Там, где когда-то стоял Великий Собор Имперского Кредо, теперь возвышался Дом Памяти, еще более крупный монумент, посвященный всем тем, кто пострадал под жестоким игом Империума, и обещанию лучшего будущего, данному Советом Освобождения.

Благодаря усилиям тысяч строителей и хитрости Несущих Обновленное Величие - технокрецов, что встали на сторону Совета Освобождения в час революции, великое сооружение было завершено менее чем за шесть месяцев — ничтожную долю времени, которое потребовалось на строительство безвкусного собора, который оно заменило. Сам Каин Освободитель прибыл на открытие Дома, и его речь с поздравлениями строителям транслировалась по всей планете, прославляя их как пример преданности и единства, благодаря которым Славкенберг проложит свой путь к величию.

Но даже когда слова Освободителя вновь разожгли огонь решимости в сердцах слушателей, многие заметили тень на лице их чемпиона во время речи. К тому моменту, как Каин возглавил толпу в молчаливой скорби о потерянных жизнях, источник этой тени стал очевиден. Было хорошо известно, что Освободитель оплакивал каждую душу, сгинувшую от зла Гиорбы, и именно поэтому он в первую очередь санкционировал строительство Дома Памяти.

Перед трибуной, с которой Освободитель обращался к собравшейся толпе, стояла шеренга солдат ОАС, сверкающих в своих новеньких наборах алой брони и вооруженных лазганами с тех самых новых заводов, которые Несущие помогли построить в регионах Славкенберга больше всех пострадавших от бесхозяйственности Империума. Их Т-образные забрала сияли оранжевым светом, когда они стояли в парадном строю, демонстрируя плоды месяцев интенсивных тренировок, разработанные, как говорят, самим Освободителем, который даже принимал участие в их рукопашных учениях и одержал победу над каждым претендентом, благодаря своему мастерству владения мечом.

Когда речь Каина закончилась и спустя несколько долгих мгновений последние аплодисменты наконец стихли, и Освободитель удалился в Дом, несомненно, чтобы поразмышлять о товарищах, которых он потерял во время Восстания. Люди отправились совершать свои собственные траурные обряды — на Славкенберге не было тех, кто бы не потерял кого-то под гнетом Империума.

В дни за Восстанием в душах жителей Славкенберга, освобожденных от оков Экклезиархии, начали расцветать новые верования. Сформировались общества, которые искали радости и удовлетворения, полагая, что они поднимают дух от земных ограничений и позволяют ему узреть вещи, к которым он в противном случае был бы слеп. В рядах Объединенной армии Славкенберга стремление к военному совершенству и победе над ненавистным Империумом стало чем-то средним между доктриной и верой, с ежедневными клятвами проливать кровь тиранов. И теперь, когда дворянские архивы стали открыты для всех, профессора стали проводить большие лекции, открытые для всех желающих учиться и возвысить себя через познание, причем наиболее способные ученики обучались другим, еще более глубоким тайнам.

Все они теперь отдавали дань уважения своим погибшим товарищам, хотя и смотрели в будущее с оптимизмом.

***

Я молча стоял в самой дальней внутренней комнате Дома Памяти и пытался сдержать крик.

Мне действительно начало казаться, что или я сам схожу с ума или вся вселенная вокруг. Ни одна из моих попыток саботировать защиту Славкенберга перед неизбежной волной имперского возмездия не сработала так, как я ожидал — в каждом чертовом случае все получалось просто отлично, что только еще больше раздувало мою мошенническую репутацию.

Программа обучения, предложенная мною для ОАС, была основана на той, что я сам прошел в Схоле, когда меня избрали будущим комиссаром (по причинам, до сих пор выходящим за рамки моего понимания), за исключением того, что она была сделана в три раза интенсивнее. Физическая подготовка, которую я установил, выходила за пределы человеческих возможностей настолько, что я был уверен, что смогу обвинить самих несчастных ублюдков в ее неэффективности. По всем правилам, это должно было закончиться группой физически сломленных людей, слишком истощенных даже для того, чтобы думать о мятеже. Вместо этого, из-за того, что по моему пониманию, было личным вмешательством Кровавого Бога, программа действительно сработала, превратив мотивированных, но плохо обученных бывших солдат СПО в подтянутые, злобные и совершенно смертоносные машины для убийства.

Разрушенные дворцы знати и обширные поместья, зарезервированные для приезжих, были превращены в тренировочные полигоны для городских боев, и, судя по виденному мною во время посещений, солдатам действительно нравилось бегать по руинам, сражаясь друг с другом тренировочным оружием и привыкать к часто недооцениваемому тактическому превосходству, дарованному оснащением каждого солдата коммуникатором ближнего действия.Мне очень повезло, что, несмотря на неожиданную эффективность их обучения, они все еще слишком трепетали перед моей репутацией, чтобы на самом деле дать отпор, когда меня заставляли участвовать в играх или тренировках ближнего боя. Я, возможно, и был лучшим фехтовальщиком в своем классе в Схоле, но я не слишком высоко оценивал свои шансы против этих сумасшедших, если бы они сражались серьезно.

Как влияние Кхорна распространилось на армию, так и влияние Слаанеша и Тзинча - среди гражданского населения. К настоящему времени бюрократия Совета Освобождения почти полностью состояла из приверженцев Архитектора Судеб, в то время как плебеи упивались разбавленными удовольствиями Темного Принца, предлагаемыми Служанками. Общественный порядок все еще поддерживался, слава Трону, поскольку тзинчиты были слишком заняты работой, чтобы строить планы, а Слаанешитам приходилось иметь дело с людьми, для которых есть торт раз в месяц и иметь один выходной день из восьми рабочих было неслыханной роскошью.

Даже процесс индустриализации прошел без сучка и задоринки, быстрее даже самых оптимистичных оценок Тесилона-Каппы. Я не знал, какие нечестивые сделки магос заключил с духами машин, но фабрики были построены в рекордно короткие сроки и производили военную технику с невероятной скоростью. Без сервиторов они вместо этого в значительной степени полагались на полуавтономных духов машин, а контрольные станции и посты, все еще требовавшие человеческого присутствия, обслуживались только что завербованными рабочими из низших классов Слокенберга. Сотни из них даже были посвящены в культ Бога-Машины, а самых многообещающих отправили помогать с подводными генераторами. Судя по всему, сосредоточение внимания на обучении практическим навыкам, а не теологии, позволило действительно сократить время, необходимое для обучения адепта Механикус.

Столь успешными были Несущие Обновленное Величие (или «борги», как ласково прозвало еретиков население), что Тесилон-Каппа смог выделить целый контингент своих товарищей для помощи в строительстве Дома Памяти. Я ожидал, что работы продлятся годами, но вместо этого Тесилон-Каппа предоставил какую-то антигравитационную технологию, которую их

техножрецы реконструировали из генераторов энергии, на обслуживание которых они потратили десятилетия, что помогло сократить время строительства. Как, во имя Императора, боргам это вообще удалось, я понятия не имел.

Недавно построенный Дом представлял собой огромное многоуровневое сооружение с лабиринтом внутренней планировки, в котором легко было заблудиться и бродить часами, рассматривая различные мемориалы, каждый из которых был посвящен жертвам различных аспектов правления Гиорбы. Мои собственные инстинкты жителя улья сослужили мне хорошую службу в этом отношении, как и мое знание планов, когда меня попросили высказать о них свои мысли.

Мои блуждания по Дому в конце концов привели меня сюда, в самую верхнюю комнату здания. Неудивительно, что он был посвящен Эмели Дюбуа, известной населению Славкенберга как директрисе школы для молодых девиц, мученице Восстания и, к моему огромному ужасу, моей возлюбленной, чья смерть послужила толчком к моему восстанию против Империума.

Конечно, плебеи и понятия не имели, что Эмели на самом деле не умерла, а вместо этого возвысилась до уровня демона, отчасти благодаря моей неудачной попытке убить ее. Культы Слаанеш начали распространять слухи о том, что ее бессмертный дух все еще наблюдал за Славкенбергом в целом и за мной в частности, что, по-видимому, считалось очень романтичным и уже стало сюжетом нескольких выступлений на улицах Кайнополиса — и ох, как же я ненавидел это имя.

В центре комнаты, окруженной шестью окнами из тонированного стекла, освещавшими комнату мистическим светом, когда солнце двигалось по небу, стояла статуя самой Эмели. В первой показанной мне версии статуи, я держал тело Эмели на руках, но этот вариант я сразу же отверг. Я сформулировал это так: Дом предназначен для почитания павших, в то время как я был еще жив — хотя, по правде говоря, я просто не хотел никаких лишних напоминаний о историях, которые распространялись обо мне и Демонической принцессе Слаанеш, которой я ненароком помог вознестись.

Однако отказ от следующей и окончательной версии не мог не вызвать гнев Служанок. И поэтому в Доме была построена высокая статуя из белого мрамора по подобию Эмели. Я должен был признать, что скульпторы проделали замечательную работу, хотя мраморному изображению не хватало живости и ощутимого чувства угрозы, что исходило от живой волшебницы. Одежда ее мраморного подобия также проводила довольно ловкую грань между скромностью и непристойностью, а выражение ее лица выражало нечто среднее между решимостью и радостью.

Я сделал глубокий вдох, чтобы сосредоточиться. Все было не так уж и плохо, сказал я себе. Да, жители Славкенберга увлеклись ересью гораздо быстрее, чем я считал возможным, но все еще можно спасти, если возмездие Империума придет быстро. Мои планы саботировать оборону планеты не сработали, но в долгосрочной перспективе это не имело особого значения. Ни один мир не мог надеяться противостоять могуществу Империума, как бы ни старались Темные Боги подтасовать карты в свою пользу. Будь все иначе, Хаос уже правил бы галактикой, но вместо этого его величайший слуга вновь и вновь отбрасывался обратно в Око Ужаса.

Пока я пытался убедить себя, в воздухе появился внезапный холодок. Солнечный свет, льющийся в комнату, казалось, темнел, отбрасывая на статую странные тени.

Мое сердцебиение участилось. Я должен был быть один — даже Юрген остался у входа, чтобы дать мне время подумать. И все же я не мог отделаться от ощущения, что со мной здесь был

кто-то еще. Однако, прежде чем я успел обернуться, чтобы проверить, пара рук обвилась вокруг моих плеч, и мой нос наполнился знакомым ароматом.

«Привет, Кайафас», — промурлыкал столь же знакомый голос. «Скучал по мне?»

«Эмели», — удалось мне выговорить сквозь шок. «Как ты здесь оказалась?»

«Я одолжила тело дорогой Кристабель», — объяснила она, проводя пальцами по моей груди. «Твой человек у двери был очень любезен к ней».

Черт бы тебя побрал, Юрген, подумал я про себя. Я не мог серьезно винить своего помощника: Кристабель приходила ко мне несколько раз с информацией, собранной Служанками, и именно она подтолкнула к строительству этого здания, так что у него не было причин отказывать ей во входе. Я был больше зол на себя самого за то, что не замечал ее присутствия: подпускать людей с неизвестными намерениями так близко было рецептом быстрого и болезненного конца.

«Но как ты оказалась здесь?» - спросил я. Мысль о том, что она нашла способ овладевать своими последователями в любой момент, была ужасающей.

«Благодаря преданности Кристабель и Имматериальному резонансу этого места я могу протянуть руку и, наконец, снова прикоснуться к тебе». Она мягко положила голову мне на плечо в позе, которая мне очень бы понравилась, если бы не тот факт, что она была адским порождением из-за завесы.

«Нематериальный резонанс… ты имеешь в виду это место?»

«Конечно», — промурлыкала она. «Разве ты сам не для этой цели спроектировали эту комнату, любимый? Шесть окон, здание под нами, вызывающее всевозможные сильные эмоции у своих посетителей… все это притягивает энергии Эмпиреев, истончая завесу и позволяя нам наконец воссоединиться».

«Я… не думал, что это действительно сработает», — солгал я ей. Я высказал несколько предложений, когда Кристабель принесла мне планы Дома, да, но они были по большей части придуманы на лету.

«Всегда такой скромный», — усмехнулась она. — «Впрочем, это одна из причин, почему я полюбила тебя».

Это был не первый раз, когда Эмели использовала это слово в разговоре со мной. Это был даже не первый раз, когда она делала это после вознесения к демоничеству: сразу после того, как она сбросила свою смертную оболочку и стала демоном Слаанеша, когда я думал, что вот-вот умру, и моя душа будет мучиться вечно за попытку убить ее проклятыми драгоценностями, она сказала мне то же самое.Я осознал, что повторение не сделало это слово менее ужасным.

«Я рад, что ты пришла», — сказал я ей, медленно кладя руку поверх ее руки, больше для того, чтобы почувствовать себя лучше, чем из искренней надежды на то, что смогу помешать ей вырвать мне при желании горло. «Последние несколько месяцев были… лихорадочными».

«Я знаю», — хихикнула она, переплетая свои пальцы с моими, словно мы были парочкой подростков на свидании. «Я наблюдала за тобой».

Что ж, это прозвучало совсем не угрожающе.

«Надеюсь, тебе понравилось увиденное?» — осторожно спросил я, надеясь, что она примет мой ужас за нервозность и выуживание комплиментов.

«О, определенно понравилось. И помимо желания снова побыть с тобой, я пришла с предупреждением. Любимый, Империум надвигается», — прошептала она мне на ухо сладким, как мед, голосом. «Когда ты возглавил Восстание, астропатам удалось отправить сообщение прежде, чем мои Служанки заставили их замолчать. Теперь войско собрано, и они уже мчатся через Море Душ к этой звезде. Я делаю все, что в моих силах, чтобы замедлить их продвижение через Варп, но я все еще новый участник Большой Игры. Они прибудут уже скоро».

На какой-то безумный момент, когда Принцесса Демонов Темного Князя Удовольствий сообщила мне новости, которых я одновременно боялся и жаждал с самого Восстания, мне захотелось поцеловать ее, но мой инстинкт самосохранения быстро уволок эту безумную мысль на виселицу и казнил на глазах у всего остального мозга.

"Как скоро ?" — вместо этого спросил я.

«Недели. Максимум пару месяцев. Ты должен подготовиться, любимый». Тон ее голоса изменился, внезапно наполнившись ядом при следующих словах: «Инквизитор, что возглавляет их - один из худших в своем роде, Киафас. Он не остановится, пока весь Славкенберг не сгорит».

Ну конечно, она считала так. Но она была демоном, и я все еще помнил достаточно своих катехизисов, чтобы понимать, что ее словам нельзя доверять (не то чтобы я доверял ей даже когда она была всего лишь смертной колдуньей). Я не сомневался, что она говорила правду об имперской оперативной группе, потому что я уже ожидал, что она будет в пути, и не мог придумать причин, по которым она стала бы обманывать меня о времени прибытия, но у нее была целая куча причин лгать относительно цели оперативной группы.

Даже тот факт, что командует Инквизитор, казался мне маловероятным: Инквизиторы преследовали врагов Императора, работая в тени, а не прямо на свету. Я был готов поверить, что один из них мог сопровождать оперативную группу (в конце концов, Славкенберг был местом вознесения принцессы демонов, и теперь я знал об этом достаточно, чтобы понять, насколько это было редко и опасно), но вести? В этом я сильно сомневался.

«Я буду готов», — сказал я ей, что, полагаю, технически не было ложью. «Спасибо, что рассказала мне и задержала их».

«Я знаю, что ты победишь, Кайафас. И я могу придумать, как выразить тебе свою благодарность», — хрипло сказала она. «Ведь я так соскучилась по тебе, любимый…»

Через несколько часов я вышел из Дома Памяти, сел в свою машину (за рулем которой был Юрген, который как всегда старался соблюдать правила дорожного движения, несмотря на то, что никто бы не осмелился нас остановить) и вернулся в свой кабинет в бывшем дворце губернатора, оставив Кристабель восстанавливаться после истощения от одержимости ее демонической госпожой. Я, конечно же, сделал вид, что беспокоюсь о ее благополучии под влиянием Эмели, и она заверила меня, что ей был нужен только отдых (она также посчитала нужным заверить меня в нескольких других вещах, ни об одной из которых задумываться мне не хотелось).

После того, как Юрген принес мне последние запрошенные мною отчеты о состоянии готовности ОАС, (откуда он всегда точно знал, где найти всю нужную информацию в моем

собственном кабинете, я понятия не имел и мог только приписать это его экстрасенсорным способностям), я обдумывал свой следующий шаг в свете откровений Эмели.

Она не сообщила мне особых подробностей о приближающейся оперативной группе, но я мог сделать некоторые обоснованные предположения. По имперским меркам Славкенберг считался малонаселенным, как и ожидалось от курортного мира. Нигде на планете не было городов-ульев, и даже столица не заслуживала бы называться городом в настоящем мире-улье: в целом в ней проживало менее двадцати миллионов человек. Согласно последним данным переписи Джафара (что вовсе не значило, что Гиорба вели надлежащие записи: они довольствовались тем, что всегда могли при желании вытрясти из своих рабов достаточно денег и рабочей силы), общая численность населения Славкенберга едва превышала миллиард. До Восстания большинство из них жили в условиях, которые были всего в нескольких шагах от подульев, в одном из которых я родился, хотя в наши дни дела пошли на поправку — что, опять же, было изобличающим доказательством, что руководство Гиорбы было полным кошмаром.

Благодаря моему запрету Кхорнитам вербовать каждого добровольца, способного носить лазган, ОАС остались на уровне СПО до Восстания. Как и следовало ожидать от курортного мира, которым правили поколения безумных тиранов, это число было намного ниже того, которое Цезариови Гиорба должен был официально поддерживать, согласно его клятве Золотому Трону. В свое время в качестве единственного комиссара планеты я лично был свидетелем омерзительного состояния готовности СПО, при котором целые дивизии были вооружены практически кремневыми ружьями. Даже у неожиданно продуктивных оружейных фабрик было время, чтобы оснастить лишь малую часть солдат панцирной броней и новенькими лазганами. Всего Малоне мог призвать восемьдесят тысяч воинов.

Между тем, одни полки Имперской Гвардии имели под своими знаменами более полумиллиона человек, а другие едва насчитывали тысячу. Согласно тому, что сказали мне мои старые наставники, это было связано с различиями между мирами, предоставляющими их как часть своей Имперской Десятины, и большое разнообразие Милитарума позволяло его командирам всегда использовать нужное количество силы для каждой ситуации, избегая ненужных трат и обеспечить славную победу во имя Бога-Императора.

Конечно, даже в юном возрасте я был достаточно умен, чтобы видеть сквозь эту вопиющую кучу гроксова дерьма. Правда заключалась в том, что дроны Мониторума, которые должны были управлять джаггернаутом Имперской Гвардии, понятия не имели, что они делают, и в документах постоянно удалялось или добавлялось множество нулей. Потому что ну серьезно, как, скажем, тысяча солдат могла воздействовать на зону боевых действий размером с планету? Да, они могли бы помочь местному СПО, предоставив экспертную консультацию и резерв отборных войск в зависимости от качества полка, но простые смертные не были космодесантниками, независимо от их снаряжения или подготовки.

Только в голо-драмах единственный отряд ветеранов мог сметать волну за волной мерзких ксеносов или безликих еретиков. Недаром Имперскую Гвардию называли Молотом Императора: крупнейшая когда-либо существовавшая военная организация людей выиграла свои войны благодаря подавляющей огневой мощи, а также правильному применению Тактика Империалис (а также вере в Бога-Императора, конечно, и я внезапно обнаружил, что тоскую по тем дням, когда от меня ожидали, что я казню любого, кто говорит иначе).В любом случае, если ответственные за подготовку этой оперативной группы не совершили ряд грубейших ошибок, Имперская Гвардия почти наверняка значительно превосходила по численности ОАС. Эмели не упоминала космических десантников в оперативной группе, и я чувствовал, что она рассказала бы мне, если бы Ангелы Смерти Императора были призваны покарать бунтовщиков Славкенберга. Если, конечно, она не раскрыла мою ложь, но я был совершенно уверен, что

если бы это было так, я бы никогда не выбрался из Дома Памяти живым.

Учитывая, что космические десантники, как правило, участвовали в обезглавливающих ударах, а я был номинально лидером восстания на Славкенберге, я мог только почувствовать облегчение, что ни один из Элиты Императора не будет вовлечен в эту заварушку. Юрген, может быть, и способен разрушать танки силой мысли, но я сомневался, что Астартес не могли справиться с таким колдовством.

Я кивнул сам себе. Это сработает. Теперь мне нужно было связаться с генералом Малоне и, возможно, остальными членами Совета Освобождения и поделиться с ними новостями. Я мог бы держать предупреждение Эмели при себе, но Кристабель могла почувствовать неладное, если бы я это сделал (было очевидно, что она частично помнила, что произошло, пока она была одержима своей адской госпожой), и мне все еще нужно было выжить до прихода Империума.

Скоро Славкенберг вернется под власть Империи, и я выберусь из этого сумасшедшего дома.

***

В военной комнате, устроенной во дворце, генерал Малоне наблюдал через гололитический проектор, как значки, обозначающие корабли имперской оперативной группы, медленно приближались к планете. Верные слову Освободителя, они прибыли в систему через тридцать пять дней после того, как он поделился с ними предупреждением, полученным от вознесенного духа его возлюбленной.

Информация передавалась им с горстки кораблей на орбите, их ауспики всю последнюю неделю держали в состоянии максимальной готовности техножрецы. Небольшая флотилия получила приказ любой ценой избегать столкновения с имперскими силами в пустоте: как объяснил Освободитель, информация, которую они предоставили в качестве глаз Совета на орбите, была гораздо ценнее того небольшого ущерба, который они могли нанести до своего уничтожения.

Конечно, в данный момент предоставляемая информация была хоть и полезной, но не особо ясной.

«Так где же они приземлятся, Варп их подери?»

Малоне понимал замешательство Освободителя, поскольку он, безусловно, разделял его. За несколько дней до прибытия захватчиков высшее командование ОАС провело множество симуляций, пытаясь определить вероятные позиции для высадки имперских войск. С имеющимися в их распоряжении активами было невозможно защитить всю планету: на Славкенберга было слишком много территории, чтобы прикрыть ее всю.

Но вместо того, чтобы охранять одну из обширных холмистых равнин, которые так заметно выделялись на внеземных голограммах планеты, имперская флотилия стояла на якоре над вершиной горного хребта на северном континенте и отправляла транспорты с войсками в глушь.

«В этом районе есть горный курорт, доступный практически исключительно по воздуху», — услужливо прожужжал один из техножрецов. «Там присутствует посадочная площадка для спуска с орбиты, так что посетители могут добраться туда прямо со своего транспорта. Наши записи также показывают, что на этом курорте есть своего рода святыня, построенная прадедом покойного губернатора три века назад».

Освободитель моргнул. «Это не может быть их единственной причиной для высадки там».

«Это неприступная оборонительная позиция?» - предложил Махлоне, указывая на карту. «Смотрите, все существующие пути совершенно непроходимы для всего тяжелее чертовой телеги на колесах. С посадочной площадкой они могут спустить все свои войска с орбиты, не беспокоясь о нас».

«Да», — согласился Освободитель, — «но что потом? Они застрянут в глуши, и выбраться будет некуда. В этом должно быть что-то, чего мы не видим.»«Милорды, — крикнул другой техножрец, — вражеский флагман передает незашифрованную передачу».

«Покажите нам», - приказал Каин - «Посмотрим, что нам скажут имперские собаки».

Проекция Славкенберга исчезла, сменившись изображением старика на троне, украшенном черепами, аквилами и стилизованным «I» - символ инквизиции, что знала и боялась каждая душа, рожденная под игом Империума. Вид этой печати, эмблемы самых злобных и жестоких агентов Ложного Императора, заставил кровь Малоне закипеть, но он заставил себя оставаться спокойным и смотреть на человека, восседающего на троне.

У того было суровое лицо и еще более суровое выражение на нем. Его голова была полностью лысой, с остроконечной бородой и усами, закрывающими нижнюю половину лица. Даже через гололитическую проекцию Малоне мог чувствовать ненависть и фанатизм, подчинившие инквизитора, — и это было до того, как проекция открыла рот и заговорила.

«Люди Славкенберга, — сказал спроецированный человек, — я Инквизитор Федор Карамазов. Властью Святых Ордосов я говорю от имени Самого Повелителя Человечества, и я пришел судить вас всех за вашу ересь. Знайте: в моем суде нет такого понятия, как невиновность. Все вы виновны в том, что позволили своему миру лишиться благодати Бога-Императора. Все, что остается решить, это степень вашего греха и менра наказания. Тем из вас, кто меньше всего согрешил, может быть позволено провести остаток своей жизни в тяжком труде, чтобы искупить свою неспособность предотвратить позор, постигший Славкенберг. Но остальные, от самого мелкого еретика до архипредателей, что принесли порчу на эту когда-то прекрасную планету, будут искорены с особым предубеждением, а их крики агонии послужат предупреждением, укрепляющим веру всех, кто их слышит».

Когда трансляция закончилась, Малоне посмотрел на Освободителя. Он стоял неподвижно, глядя на образ безумного Инквизитора, с белым лицом и дрожащими от ярости руками.

http://tl.rulate.ru/book/89867/2927046